

Žekulin, Mikuláš

Циклизация и рассказчик в "Записках охотника" И.С. Тургенева и в сборнике Яна Неруды "Povídky malostranské"

In: *Genologické studie. II, K počtě profesora Franka Wollmana.*
Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 1993, pp. [323]-333

ISBN 8021008369

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132329>

Access Date: 20. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЦИКЛИЗАЦИЯ И РАССКАЗЧИК В "ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА" И. С. ТУРГЕНЕВА
И В СБОРНИКЕ ЯНА НЕРУДЫ "POVÍDKY MALOSTRANSKÉ"

Mikuláš Žekulin (Calgary)

Важное место циклизированных произведений в истории всех видов искусства вообще в XIX веке до сих пор, пожалуй, недостаточно оценено. Стоит лишь упомянуть такие выдающиеся - не-литературные - произведения мирового искусства, как романсовые циклы Ф. Шуберта, симфонические поэмы, составляющие цикл "Má vlast" Б. Сметаны, или серии картин-вариаций (из которых самые известные "Рузский собор" и "Скирды") К. Моне, чтобы убедиться в распространенности этого явления.¹ Само художественное явление "цикла" стоило бы глубже изучать с теоретической точки зрения, хотя основные черты хорошо установлены в том определении, которое дал литературному циклу американский исследователь Форест Инграм:

"(Цикл - это) группа повестей, связанных между собой таким образом, что додерживается равновесие между самостоятельностью каждой повести и требованиями большего целого." Такая связь, утверждает Инграм, дает циклу "повторяющееся развитие", которое возникает вследствие повторения или тождества разных элементов - таких, как "темы, лейтмотивы, обстановка, действующие лица и структура."²

Среди самых известных литературных циклов в славянских литературах надо считать "Записки охотника" И. С. Тургенева и "Povídky malostranské" Яна Неруды. Но тут интересно заметить, что в "Записках охотника" рассказчик играет совершенно очевидную объединяющую роль, а в "Povídkách malostranských" даже отсутствует одно определенное действующее лицо - рассказчик.

Целью настоящей статьи является обсуждение некоторых организующих функций рассказчика в этих двух, казалось бы с этой точки зрения резко друг от друга отличающихся, циклах.

1

Совершенно правы те, кто подчеркивает отсутствие открытого бунта в "Записках охотника", как со стороны крестьян, так и со стороны рассказчика. Некоторые даже упрекали Тургенева в смиренности перед крепостным правом, но это показывает непонимание не только цели автора, но и его художественного метода. Цель писателя - подорвать авторитет крепостного права морально. Это ему удалось благодаря отбору материала, с одной стороны, и благодаря особой роли, данной им рассказчику, с другой.

Об объединяющей функции рассказчика в "Записках охотника" писали многие исследователи. Го эря о "многофункциональности" рассказчика, С. Е. Шаталов утверждает, что "Прежде всего, рассказчик обеспечил единство цикла" не только тем, что он принимает участие во всех частях, но и тем, что "он еще

и вспоминает, он отбирает факты, он обрисовывает героев и дает им характеристики, он высказывает свои оценки и не скрывает своего отношения. (...) Так появляется единая точка зрения на происходящее.⁴ Такое определение, хотя в основном, конечно, правильное, все-таки недостаточно различает роль рассказчика от роли автора в произведении, где часто путают эти два лица, из которых одно придумано другим. Автор отбирает материал и представляет его в определенном освещении перед читателем посредством литературного приема, каким является создание рассказчика. Вот в каком смысле отношение читателя к изображенному определяется через рассказчика и, следовательно, таким образом рассказчик является носителем идейности произведения.

Объединяющая роль рассказчика в цикле как будто подчеркивается еще и тем, что рассказчик является единственным лицом, которое присутствует во всех рассказах. И это в произведении, в котором только в качестве редчайших исключений действующее лицо переходит из одного рассказа в другой. Вообще Тургенев вводит в свое произведение удивительное количество действующих лиц.⁵ Совершенство такого широчайшего подбора персонажей придает произведению, как нередко отмечалось исследователями, панорамичность. В нем как будто представлено все русское провинциальное общество эпохи. Но панорамичность нельзя считать единственной целью подбора, и сам отбор персонажей далеко не случайный. На самом деле, действующие лица связаны между собой не одним лишь присутствием рассказчика. Хотя нет тождества действующих лиц в отдельных рассказах, есть между ними то, что М. М. Янина называет "отношениями типа персонаж-антипод, персонаж-продолжение, родственные персонажи, персонаж-'зеркало' (копирующие господ холопы - способ изображения пороков господ)." Результатом таких связей является то, что "Дополнительный смысл в образе, очень существенные его стороны открываются по мере прочтения других очерков. (...) Так увеличивается художественное пространство образа, оно не равно его непосредственному изображению, а в какие-то моменты включает в себя образ, с ним связанный внезапно возникшей ассоциацией."⁶

Таким образом, суть художественного метода Тургенева не проявляется в одной совокупности материала, а во взаимозависимости этого материала. Можно было бы говорить о некоторой "риби"-образной форме, в том смысле, что сведения об этом обществе, которые предлагаются читателю через рассказчика, расширяются расходящимися волнами.

Рассказчик, конечно, является носителем идейности произведения не своим присутствием во всех рассказах, а тем, что его отношение к окружающему его обществу существенно не меняется на протяжении произведения. Принято утверждать, говоря словами Л. Н. Назаровой, что рассказчик "не посторонний наблюдатель, а лицо ясно выражающее свое отношение (положительное или отрицательное) к изображаемым событиям."⁷ Но определить это отношение не так легко, так как выражение его, т. е. комментирующая функция рассказчика, не такая простая. Во-первых, следует подчеркнуть, насколько действие в этих рассказах основано на прямой речи действующих лиц. И, во-вторых, хотя рассказчик дает довольно обильные описания действующих лиц, в своих высказываниях он скромен. Он избегает длинных рассуждений об общественном строе России и даже о месте своих дей-

ствующих лиц в этом строе, особенно, если об этом говорится прямо от его имени. Обычная осторожность рассказчика особенно очевидна в рассказе "Чертопханов и Недопюскин". В самом начале, при первой встрече, рассказчик дает описание как Чертопханова ("Незнакомец говорил необыкновенно быстро, отрывочно и в нос. (...) Вообразите себе, любезные читатели, маленького человека, белокурого, с красным вздернутым носиком и длиннейшими рыжими усами."), так и его лошади. Потом следует короткий разговор между рассказчиком и Чертопхановым, за которым следуют короткое описание Недопюскина и такой же короткий с ним разговор. Первые сведения об этих личностях рассказчик получает от Ермолая и, чтобы удовлетворить свое возбужденное любопытство, рассказчик "начал наводить справки." Таким образом, довольно обширная история, где можно найти высказанные мнения об этих героях, приписывается другим, а не самому рассказчику.

Это не значит, что тургеневский рассказчик скрывает свое отношение к действующим лицам, но он это делает ненавязчиво. Чаще всего рассказчик просто дает читателю знать, какое на него произвело впечатление то действующее лицо, с которым он встретился. А делается это преимущественно всего одним или двумя словами - прилагательными или наречиями, обыкновенно описательными. Когда речь идет о крестьянах, то попадают одобрительные слова, как, например, в описании мальчика Павлуши в рассказе "Бежин луг", который рассказчику "понравился: гулял он оуань умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила." (98)³ Конечно, где надобно, описательные слова могут иметь отрицательный оттенок, как, например, в описании Виктора из рассказа "Свидание": "Виктор лениво протянул руку, взял небрежно понюхал цветы и начал шертеть их в пальцах, с задумчивой важностью поглядывая вверх. (...) Я, признаюсь, с негодованием рассматривал его красное лицо, на котором сквозь притворно презрительное равнодушие проглядывало удовлетворенное, пресыщенное самолюбие." (265).

Если в рассказчике крестьянин-"зеркало" своего барина вызывает неприятное ощущение, то это еще не значит, что то же можно сказать о самом барине. Отрицательные слова, уж не говоря о прямом обличении во зле, которые можно бы было ожидать, редко встречаются. Наоборот, эти описания часто являются как будто положительными. О г-не Пеночкине из рассказа "Бурмистр", например, даже прямо говорится, что он "человек рассудительный и положительный, воспитанье он получил (...) отличное, служил и в высшем обществе потерся, а теперь хозяйством занимается с большим успехом". Одно то, что, по словам рассказчика, "все-таки неохотно к нему едешь", должно настроить читателя, который потом может заметить, что фразы вроде "о благе подданных своих печется," оказываются "собственными его словами" (134). Таким образом, отрицательное отношение у читателя должно возникать преимущественно из-за несоответствия, которое сам читатель должен заметить, между тем, что говорят, то ли действующие лица о себе, то ли рассказчик о них, и тем, что они делают. В рассказе "Ермолай и мельничиха", например, это рассказ самого г-на Зверкова о том, как обоилась его жена с крепостной девушкой Ариной, который подрывает его утверждение о жене, что "женщину добрее ее найти трудно." Мнение автора, что у Зверкова была "жена, пухлая, чувствительная, слезливая и злая"

(29), и сама фамилия, служат лишь подтверждением ложности взгляда героя.

Там, где все-таки встречается прямое осуждение какого-нибудь действующего лица, оно чаще всего исходит непосредственно от другого действующего лица, иногда даже от самого виновника, а не от рассказчика. Так, например, в рассказе "Петр Петрович Каратаев", это сам герой объясняет, что он плохой хозяин и своих "мужиков поразорил" (247). А в рассказе "Бурмистр" не рассказчик, а "Ангадист-мужик" называет бурмистра Софрона "Собакой, а не человеком" (147). То, что он же добавляет о том, как Софрон живет, подтверждает такое мнение, но его осуждение остается без всякого комментария со стороны рассказчика. Однако даже такие случаи довольно редки, и действующие лица тоже предпочитают просто рассказывать о происшедшем. При том рассказчик то ли вообще не принимает в разговор участие, то ли задает вопросы, чтобы узнать от собеседника более полную историю,¹⁰ но своего комментария к тому, что ему говорят, он не делает, кроме более или менее фактических замечаний к фактическому рассказу. В рассказе "Малиновая вода", например, рассказчик замечает, что Елас рассказывает все "с усмешкой, словно о другом речь шла; но на маленькие и съезженные его глаза навертывалась слезинка, губы его подергивало." (41)¹¹

Такая застенчивость со стороны рассказчика имеет, естественно, художественную функцию, и ее нельзя считать одной осторожностью перед цензурой. Конечно, читатель получает толчок в определенном направлении всеми теми приемами, к которым прибегает автор для того, чтобы создать образ современного ему общества, общества, в котором жизнь помещиков все душит своей преобладающей духовной пустотой, в котором больше всего возмущают те крестьяне, которые злоупотребляют властью, которую они получили над своими братьями-крестьянами от своих бар (чем автор подчеркивает тот факт, что крепостное право развращает нравы всего общества), и в котором самые интересные люди - крестьяне, и самые интересные разговоры ведутся с ними или между ними. Но отсутствие прямого, открытого осуждения крепостного права возлагает ответственность на самого читателя. Таким образом оказалось, что перед современниками было не произведение, в котором автор нападает с гневом на крепостное право, а произведение, которое вызвало у самого читателя осуждение крепостного общества. "Признанная законность помещичьей власти (...), - как определяет это С. Е. Шаталов, - преобразуется в беззаконие насильщиков."¹² Именно таким образом подорвал Тургенев авторитет крепостного права морально.

Одно достоинство скромного тургеневского рассказчика отметили все исследователи - его описание природы. Безусловно они тоже играют структурную роль тем, что дают "Запискам охотника" объединяющую "единую лирическую тональность."¹³ Кроме того, сама, хоть и разнообразная, природа центральных губерний России служит как бы опорным пунктом, противовесом распыленности, которая могла бы возникнуть из-за большого количества персонажей. Однако описание природы имеет не только художественную функцию, но и определенную идейную цель. Лирическое воспевание русской природы является также важным противовесом тому гнетущему представлению о русском обществе, которое создается от всего произведения. Без этой природы, из которой черпают свои духовные силы лучшие из крестьян, такие как Кали-

ныч и Касьян с Красивой Мечи - и в конечном итоге и сам рассказчик (чем устанавливается едва заметная связь между сословиями в русском обществе¹⁴ - без этой природы ничего ценного бы не осталось от всей России, все русское бы стало под сомнение. Как источник духовных сил, природа является тем родником надежды, который придает абстрактному понятию самой России оправданность и положительную ценность, которая превышает тот реальный быт крепостной действительности, которую автор нам описывает.

II

Исследователи указали на две отличительные черты повествовательной системы "Povídek malostranských". Это, во-первых, возрастной сдвиг, т. е. во многих рассказах, взрослых, хотя еще молодой, рассказчик вспоминает с тем, что произошло в его детстве, и, во-вторых, присутствие в этом произведении нескольких, как будто различных, рассказчиков. Хотя рассказ ведется во всех частях от первого лица, рассказчики играют в действии совершенно разные роли. Так, например, в рассказе "Večerní šplechty", за исключением одного единственного слова "myslim" (127), рассказ мог бы вестись от третьего лица без каких-либо перемен. С другой стороны, в рассказах "Svatováclavská mše", "Jak to přišlo, že...Rakousko nebylo rozbořeno", рассказчик является одновременно и главным героем. В других рассказах, например, в рассказе "Přivedla žebráka na mizinu", рассказчик вспоминает о происшедшем, которому он был свидетелем, хотя он и не принимал в нем непосредственного участия. Несмотря на это, ничего бы не противоречило утверждению, что в двенадцати из тринадцати частей цикла рассказчик мог бы быть одним и тем же лицом. Все-таки тождество этих рассказчиков надо отвергнуть именно по той причине, что такая схема исключает последнюю, тринадцатую, часть произведения, в которой явно и определенно мы имеем дело с совершенно другим рассказчиком, автором малостранского дневника, Крумловским.¹⁵ Следовательно, в "Povídkách malostranských" рассказчики в качестве действующих лиц в отдельных рассказах исключаются как объединяющий элемент. Центральная их роль заключается в их отношении к действию. Но, как и у Тургенева, что касается идейности произведения, отношение рассказчика к событиям не однозначно.

На сложность повествовательной системы "Povídek malostranských" указывают Карел Хаузенблас и Алена Мацурова в своем анализе коммуникативных явлений:

"Úzké sepětí s malostranskými poměry a jeho častá reprezentace subjektem dítěte, (...) je spolu se vzpomínkovým charakterem vyprávění velmi výhodné pro podání světa Malé Strany v jeho složitosti, v pozitivních i negativních rysech."

Притом отрицательные явления, заявляют ученые, возникают "především z povahy příběhů samých, nikoli z podávateleova líčení prostředí..."¹⁶ Безусловно, некоторые, но далеко не все, рассказчики в этом произведении скромны в своих суждениях. Кроме того, следует заметить разные слои повествования, особенно в тех рассказах, где можно найти возрастной сдвиг. Чем младше рассказчик, тем больше он многого не понимает из того, что он рассказывает, и тем меньше, естественно, он способен критиковать то, что он описывает. Когда молодой рассказчик

рассказа "Přivedla žebráka na vizinu" описывает, фактически, "миллионеру", которая "šla rovně kdy chtěla a kulhala kdy chtěla,"¹⁷ он вряд ли понимает тот намек на бессовестность, который безусловно делает автор. С другой стороны, чем старше рассказчик, тем скорее можно от него ожидать не только комментарий, но и осуждение, несмотря на то, что он не скрывает свою принадлежность и даже симпатию к обществу, к которому принадлежит по рождению и месту жительства.

Самая откровенная критика относится в основном к жителям Малой Страны как к группе, но рассказчик также готов высказаться и об отдельных лицах. В рассказе "Pan Ryšánek a pan Schlegl" молодой, но уже взрослый, рассказчик повторяет детские свои почтительные взгляды на местных "олимпийцев", но несколько торжественный тон, кажется, должен насторожить читателя против такого лестного мнения. И действительно, вследствие болезни Римака в отношении юноши-рассказчика к его героям (в этом рассказе есть тройной сдвиг в возрасте рассказчика) происходит перемена: он видит в поведении Шлегла выражение злорадного торжества и прямо его за это осуждает (107-108). Но Шлегл на самом деле сочувствовал своему долголетнему товарищу по столу, только не знал, как это выразить, и то, что рассказчику казалось позорным поведением, являлось лишь неловкостью.

Рассказ "Pan Ryšánek a pan Schlegl" (второй по месту в произведении) сразу устанавливает несколько важных принципов повествовательной системы "Povídek malostranských". Хотя более взрослый рассказчик намекает на несостоятельность своего же мнения в детстве, он его не отрицает, ему не противоречит. Кроме того, оказывается, что, хотя нравственные размышления возникают, когда человек зреет, природное чутье мальчика может яснее видеть, чем нравственные рассуждения взрослого.¹⁸ Особенность нерудовской системы рассказчиков, значит, не только в возрастном сдвиге, но и в том, что выдерживается двойная (иногда даже многократная), возможно, даже противоречивая, точка зрения на происходящее, несмотря на то, что в каждом отдельном рассказе в действительности присутствует только один рассказчик со своими воспоминаниями. Следовательно, читателю нельзя просто доверять рассказчику. Как это было у Тургенева, читатель сам должен определить свое отношение к малостранцам и к их обществу.

Толчок в требуемом направлении дается читателю тем, что разрыв между молодым рассказчиком, у которого преобладает природное чутье и отсутствуют нравственные суждения, и более старшими героями, чьи суждения совпадают с принятым общественным мнением, является явным повзворающим мотивом в "Povídkách malostranských". Кроме рассказа "Pan Ryšánek a pan Schlegl", особую важность в этом плане имеют еще рассказы "Večerní šplechty" и "U tři lilii". Хотя в этих рассказах поведение обеих героинь можно подвергнуть нравственному осуждению, юные герои подчеркивают этого не делают. Некоторые критики до сих пор чувствуют определенную неловкость от такого нарушения общественных норм, но центральность основной идеи подтверждается ключевой ролью этих трех рассказов в структуре цикла.

Ложное мнение рассказчика в рассказе "Pan Ryšánek a pan Schlegl" предшествует двум рассказам, сюжетом которых являются сплетни, т. е. именно всенародно высказанные ложные мнения. Во втором из них особых неприятных последствий сплетни не вызыва-

ют; есть лишь не вполне успешная попытка запретить пани Руске присутствовать на похоронах. А в первом рассказе, "Přivedla žebračka na mizinu" сплетни являются непосредственной причиной смерти доброго Войтишка.

В рассказе "Večerní šplechty" история юного Екла (Jäkl), которого несколько не волнует известие, что его возлюбленная уехала рожать, предшествует трем рассказам - в самой середине всего произведения - о трех людях, которые также не подчиняются общественным нормам, хотя опять последствия, на этот раз неподчинения, могут тоже быть совершенно различны. На доктора Казисвета неподчинение общественному мнению не оказало никаких последствий; Хастрман даже узнает, что он любим в своей семье сам по себе, а бедный пан Ворел доведен до самоубийства.

Наконец, юный, романтический герой кратчайшего рассказа "U tři lilí" служит подготовкой к наивно-некритическому энтузиазму рассказчицы-ребенка в рассказах "Svatováclavská mše" и "Jak to přišlo, že...Rakousko nebylo rozbořeno". В этих двух рассказах выступает наиболее четко общий принцип, устанавливающий тот факт, что более зрелый рассказчик не противоречит своим же мнениям и суждениям в более молодом возрасте. В рассказе "Svatováclavská mše" присутствие более зрелого рассказчика подтверждается его замечанием, что "Byl bych se klaněl snad sám sobě, kdyby dítě bylo té hloupé samolibosti mocno, jaké bývá dorostlý člověk" (168). Но этот же рассказчик ни одним словом не намекает на несостоятельность суеверного убеждения в существовании церковных собак, о которых "věděli jsme na určito mu hořící" (166). Точно так же он не комментирует то, что местную легенду о капуцинской Богородице пришлось переменить, чтобы она совпала с новыми фактами. (166). Более зрелый рассказчик ничем не нарушает детского настроение и - а это еще важнее - сохраняет тот детский идеализм, основанный на легком, неизвестно откуда взявшемся чувстве национального достоинства, который является непосредственным сюжетом как одного, так и другого рассказа.

Ключ к идейному значению противопоставления детского энтузиазма и общественных норм можно найти уже в первой повести цикла. Несколько двусмысленное лицо "доктора" Лоукоты прямо указывает на тот выбор, который должен сделать молодой поэт Бавор, и, конечно, указывает путь, ведущий к примирению с нормами общества. А сам Бавор хорошо знает, к чему бы привело такое примирение, когда в своих "записках" он описывает тот чиновничий мир, в который Лоукота его направляет: "Je na těch obličejích vidět, že je duševní jich práce nenamáhá a že ani jedinou jich myšlenku nenapadne, aby se povznesla nad úřední normále." (51) Полная пошлость этих чиновников исключает такую бы то ни было духовную жизнь и этим отличает их от детей и даже от таких молодых людей, как сам Бавор, у которых есть еще мечты, идеалы, воображение и вера во что-то высшее и прекрасное.

Это, однако, не значит, что в "Povídkách malostranských" автор хочет, чтобы остались нетронутыми идеализм и энтузиазм, которые основаны на легендах, мечтах и фантазии. Наивные взгляды, конечно, надо приспособить к действительности, которую дети не замечают. Подтверждением этого служит последняя повесть со своим совсем другим, уникальным, рассказчиком. Крумловский - иностранец в Малой Стране, полный наивных поня-

тий, об этой части города и его обывателях, понятий, которые уже давно должны читателю казаться неосновательными и, следовательно, неуместными в человеке, который выставляет напоказ свои тридцать лет и свою новую зрелость. То обаяние Малой Страны, которое, естественно, влияет до некоторой степени на взгляды всех рассказчиков с Малой Страны, кажется неестественным в этом иностранце, Таким образом, в последней части произведения возникает для читателя яркий разрыв между описываемым обществом и мнением о нем рассказчика, разрыв, который рельефно дает выступить тем качествам, которые следует осуждать. И подготавливает к этому разрыву уже предпоследний рассказ цикла, "Psáno o letošních dušičkách", единственный рассказ, который переместил Неруда при составлении сборника.¹⁹ В начале заключительной повести Крумловский объявляет, что собирается переехать "Na tu poetickou klidnou Malou Stranu, mezi tiché, milé sousedy..." (213). Ирония этих слов должна стать совершенно ясной читателю после того, как он познакомился с двумя героями предыдущего рассказа.

Хотя форма повествования напоминает другие рассказы, рассказчик в рассказе "Psáno o letošních dušičkách" отличается от своих предшественников тем, что он резко осуждает не только жителей Малой Страны в целом (203), но и отдельных героев в частности. Он вдруг готов подчеркнуть не согласиться с принятым мнением о двух ложных женихах, о которых говорится, что они "tuze hodní lidé", прямо утверждая от себя, что "já, pamětník Malostranský, vím, že oba byli flámové a nestáli za nic!" (203). Его критика в основном не отличается от критики Бавора в самом начале произведения. От взаимного давления возникает думевое однообразие, которое уничтожает всякую добродетель. "Zakmitnula-li v duši některého z nich přec někdy jiskra šlechtnější, druhý ji zajisté ihned udusil," (203) - замечает рассказчик. После этого полная, хотя незамеченная Крумловским думевая пошлость всех, которые его окружают, очевидна для читателя. Становится ясно, что эту пошлость в конечном итоге надо считать той характерной чертой Малой Страны вообще, за которую Неруда осуждает свое родное общество.

По мнению К. Полака, "Povídky malostranské" чаще всего разделяются на вводную и заключительную повести и три "kruhy" по трем рассказам, "круги", которые разделяют друг от друга две "mezihry", первая из которых заканчивает первый "круг" и вторая открывает третий.²⁰ Однако можно наметить и другой структурный принцип, более линейное - целное - идейное развитие, в котором система рассказчиков играет важнейшую роль. Такая структура основана на введении в одном рассказе одного из центральных, связанных между собой в главную тему, мотивов (ложность общего мнения, вопрос о непримирении с общественным мнением и идеалистический энтузиазм, еще неразвращенный общественным мнением) и дальнейшее развитие этой темы в последующих рассказах. При такой структуре вводная повесть намекает на все центральные мотивы и дает им идейное истолкование, а предпоследний рассказ является переходом к заключительной повести, в которой рассказчик отделен от малостранского общества.

III

Несмотря на очевидные внешние несходства, повествовательные системы "Записок охотника" и "Povídek malostranských", оказываясь, имеют между собой много общего. Рассказчики в этих произведениях имеют не только идейную, но и чрезвычайно важную организующую функцию. Эти две функции тесно связаны одна с другой, так как организующая функция во многом зависит от того, как рассказчики становятся носителями идейности в этих произведениях.

Ни Тургенев, ни Неруда не используют рассказчика для обширных рассуждений от своего имени. Кроме того, ни в том, ни в другом произведении нельзя считать рассказчиков вполне надежными в их высказываниях и суждениях. В обоих произведениях одновременно и рядом могут существовать разные, даже противоположные, точки зрения как будто одного и того же рассказчика. У Тургенева это достигается благодаря кажущейся наивности рассказчика, а у Неруды - благодаря возрастному сдвигу его рассказчиков.

Однако в обоих произведениях ненадежный рассказчик одновременно является средством, при помощи которого устанавливаются желаемые духовные ценности, которые у Тургенева таятся в русской природе, а у Неруды в сохранении юношеского идеалистического энтузиазма (приспособленного к действительности), основанного на чувстве национального достоинства. Таким образом, рассказчик становится, хотя довольно незаметно, основой идейной тяжести. Но в результате разницы между повествовательными системами возникает разница между формами цикла - и формами этой основы в этих двух произведениях. Единственный, повторяющийся рассказчик "Записок охотника" вызывает "рябе" - образную форму, в которой любовь рассказчика к русской природе служит постоянным центром тяжести; а многочисленные рассказчики "Povídek malostranských" создают целобразную форму, в которой юношеский энтузиазм, способный противостоять примирению с общественной пошлостью, сшит постоянной нитью, на которой держится тяжесть.

Это значит, что с помощью именно избранной системы рассказчиков Тургенев и Неруда не только возлагают на читателя ответственность самостоятельно определить свое отношение к изображаемому обществу, в котором авторов беспокоит отсутствие (правда, в разных степенях и с разными результатами) духовных ценностей и получающееся в результате примирение с чудовищными общественными нормами, но они также, опять с помощью своих рассказчиков, указывают, каким путем, по их мнению, надо идти, чтобы найти необходимые духовные ценности.

Примечания

- 1 Об особой важности циклов в русской и чешской литературах см.: Šolcova, A. P.: "Povídkový cyklus v české a ruské literatuře 19. století", Česká literatura, 1982, 311-19. (Русский вариант в журнале: Советское славяноведение, 1977, номер 4, 81-89).
- 2 Ingram, Forrest L.: Representative Short Story Cycles of

the Twentieth Century: Studies in a Literary Genre, The Hague - Paris: Mouton, 1971, pp. 15, 21.

- 3 Это, конечно, никак не значит, что в одном произведении рассказчик является единственным объединяющим элементом, а в другом объединяющие элементы вовсе отсутствуют. Среди последних работ о проблеме циклизации в этих двух произведениях можно упомянуть: Янина, М. М.: "Художественная система 'Записок охотника' И. С. Тургенева" в кн.: Жанр (эволюция и специфика) (Межвузовский сборник), Кишинев: Штиница, 1980, 47-48; Lebedev, Ju.: "Künstlerische Einheit und Genrespezifität von Turgenews 'Записки охотника' Zeitschrift für Slawistik, 32 (1987), Heft 3, 359-368; Klein, Joachim: "Zur Einheitsproblematik von Jan Nerudas Prosastil. Die Kleinsseitner Geschichten als Zyklus," Die Welt Slaven, XXX, No. 2 (1985), 345-363.
- 4 Шаталов, С. Е.: "Записки охотника" И. С. Тургенева, Стали-набад, 1960, 265.
- 5 По подсчету С. Е. Шаталова, действующих лиц в "Записках охотника" свыше 300 (Шаталов, "Записки охотника" Тургенева, 273). Из повторяющихся героев следует упомянуть Ермолая и Чертопханова и Недопюскина, хотя последние становятся таковыми только в окончательном тексте произведения, после того как Тургенев прибавил три рассказа к циклу в издании 1874 г.
- 6 Янина, М. М.: "Художественная система", 47-48. См. также ее же, "Дворянство в системе образов "Записок охотника" И. С. Тургенева," в кн.: Литературно-критические опыты и наблюдения (Межвузовский сборник), Кишинев, Штиница, 1982, 43-51.
- 7 Назарова, Л. Н.: "И. С. Тургенев и М. Горький. (Образ рассказчика в 'Записках охотника' и в цикле 'По Руси')", в кн.: От 'Слова о полку Игореве' до 'Тихого Дона'. Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова, Л., 1969, 44. См. также: Шаталов: "Записки охотника" Тургенева, 262.
- 8 См., напр.: "Чертопханов, Антелей Еремеич, слыл во всем околотке человеком опасным и сумасбродным, гордецом и забиякой первой руки." И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем (1-ое изд.), т. IV, М.-Л., 1963, 297-301. (В дальнейшем все цитаты из "Записок охотника" приводятся по этому изданию и страницы указываются непосредственно в тексте).
- 9 Дальнейшее поведение Павлуша (104), конечно, оправдывает это его мнение.
- 10 Пример первого можно найти в "Уездном лекаре", а второго - в разговоре рассказчика с Сучком в рассказе "Льгов" (85-87).
- 11 Редкое исключение из этого правила можно найти в рассказе "Два помещика", где рассказчик прямо осуждает место, куда Стегунов переселил своих крестьян, утверждением, что "Ведь это гремят". Правда, на "ясный и убедительный довод" помещика, что "коли барин - так барин, а коли мужик - так мужик...", рассказчик признается, что "отвечать, разумеется, было нечего" (183), но это ему не мешало спросить "с изумлением" о наказании Васи-буфетчика (184) и прийти к заключению, после одобрения наказания и оправдания своего барина самой жертвой, что "Вот она, старая-то Русь!" (185)
- 12 Шаталов: "Записки охотника" Тургенева, 271. Пожалуй, лучшим

- примером расхождения между моральностью и законом является рассказ "Бирюк".
- 13 Шаталов: "Записки охотника" Тургенева, 43.
 - 14 Однако, следует подчеркнуть одну существенную разницу между рассказчиком и крестьянами. Хотя "дикая" природа - птицы, деревья и т. д. - хорошо известны охотнику, хозяйственная природа ему мало знакома. Хорь должен ему объяснить, что "Пчелы бы жить не стали" на чистой пасеке (20).
 - 15 О рассказчиках в "Povídkách malostranských" см.: Závodský, Artur: Úloha vyprávěče v Nerudových Povídkách malostranských, Slavica Pragensia, IV (1962), 713-719; Hausenblas, Karel - Macurová, Alena: "Stylizace komunikačních jevů v umělecké próze. Na materiále Povídek malostranských Jana Nerudy," Československá slavistika. (Literatura, folk-lór.), Praha, Academia, 1983, 151-160.
 - 16 Hausenblas - Macurová: "Stylizace komunikačních jevů", 153.
 - 17 Neruda, Jan: Sebrané spisy, Řada první, díl IV, Praha, Topič, (1908?), 114. (В дальнейшем все цитаты из "Povídek malostranských" приводятся по этому изданию и страницы указываются непосредственно в тексте.).
 - 18 Рассказчик рассказа "Přivedla žebráka na mizinu", например, чувствует инстинктивно, что "baba miliónová" злая, а пан Воржмек добрый. В качестве исключения того же мнения оказывается мать рассказчика, но тут подчеркивается не только то, что мать добрая женщина, но что и она не поддается общественному мнению (118).
 - 19 Его предпоследнее место требует еще и сюжетный параллелизм со вторым рассказом (в обоих идет речь о двух женихах и одной невесте), а неуместность его положения между двумя предыдущими рассказами с их рассказчиком-ребенком очевидна. Об этой перемене, по сравнению с хронологией появления отдельных рассказов в периодической печати, как и о том, что Неруда не включил в сборник вышедшее в 1878 г. стихотворение "Legenda z kamenného mostu", которое вышло в периодической печати одновременно с рассказом "U tří lilíí" с подзаголовком, обозначающим их принадлежность к "Povídkám malostranským", см.: Neruda, Jan: Spisy, Svazek 4, Praha, Československý spisovatel, 1950, 323, 327-328.
 - 20 Polák, Karel: Nerudovy Povídky malostranský, Praha: Vilímek, 1947, passim. Из последних исследований, где автор придерживается такой же, в основном кругообразной, схемы, с тем небольшим отклонением, что второе "intermezzo" он ставит в конце второго "круга", а не в начале третьего, см.: Křivánek, Vladimír: Jan Neruda, Praha, Horizont, 1983, 64.

